

Хань Цихэ швырнул стопку сумок к ногам Шангуань И:

— Примерь, посмотри, как сидит.

— Зачем ты купил столько одежды?

— Скоро тебе придется сопровождать меня на мероприятиях. После того случая все уже знают, что ты мой человек, так что я просто решил воспользоваться случаем и открыто заявить об этом.

— Прости за тот случай, из-за меня у тебя поубавилось подписчиков!

— Глупыш, те, кто меня любит, любят меня любым. Им неважно, что я делаю, они верны мне. А те, кто отвернулся из-за пустяка, не стоят моей любви, да и не имеют права меня любить. Понимаешь? — Хань Цихэ взъерошил его волосы.

— Все равно все подошло, ты никогда не ошибаешься с размером! Я закинул вещи в стиралку.

— Иди, — кивнул он.

— Цихэ! — Ань Цзыфан сзади обхватила его за шею, размахивая перед лицом рукой. — Мои билеты на концерт — это не рекламные листовки, сестренка! Сколько ты их раздала?

— Штук тридцать, наверное!

— Черт... Я эти деньги потом и кровью зарабатывал, можешь не разбазаривать их так?

— Я не разбазариваю, я занимаюсь благотворительностью ради тебя! — Ань Цзыфан захлопала глазами, изображая святую невинность.

— Ладно, — махнул рукой Шангуань И. Он прекрасно знал Ань Цзыфан: хотя ее и нельзя было назвать ангелом во плоти, она была искренней, чистой и по-своему традиционной женщиной. Именно это ему в ней всегда нравилось.

— Ань Цзыфан, быстропусти его!

— Кого?

— Хань Цихэ!

— А кто такой Хань Цихэ? Ты его знаешь? — спросила Ань Цзыфан, обращаясь к Хань Цихэ. Тот охотно поморщился и пожал плечами, делая вид, что впервые слышит это имя.

— Ну... Вы только и можете, что издеваться. Не хочу с вами разговаривать, — Шангуань И надулся и отвернулся.

— Малыш, — от этого обращения по спине пробежали мурашки.

— Спаси меня! — Ань Цзыфан отвесила ему подзатыльник. От этих сцен ее саму воротило, но, кажется, Шангуань И действительно обиделся.

— Я отпустила, отпустила! Не собираюсь отбирать у тебя мужа.

— Кто еще мой муж...

— Кто еще его муж! — Шангуань И изумленно обернулся.

Хань Цихэ тут же поправился:

— Он мой муж. — И он с усмешкой скопировал фирменный жест Ань Цзыфан — приподнял бровь.

— Разве тот, кто снизу, достоин называться мужем?

— Проваливайте оба, — Шангуань И отвернулся. На самом деле он давно привык к их шуточкам, особенно к выходкам Ань Цзыфан. Он знал, что она не желает зла, просто у нее специфическое чувство юмора. А когда они с Хань Цихэ объединялись, ему становилось совсем не по себе.

Впрочем, после стольких лет с Хань Цихэ он и сам научился подыгрывать, проводя дни напролет в их безумных играх.

— Малыш!

— Проваливай... — Он все еще не привык к их статусу. Они просто сказали, что нравятся друг другу, просто переспали, и больше ничего. Неужели любовь — это только такое? Ему вечно казалось, что чего-то не хватает.

— Если проваливать, то вместе! Ань Цзыфан... — Хань Цихэ подхватил Шангуань И на руки и кивнул Ань Цзыфан на дверь.

Та прищурилась, с усмешкой глядя на них:

— Средь бела дня, ой, как стыдно!

Хань Цихэ опустил Шангуань И на кровать и скорчил рожицу:

— Чтобы она тебя не донимала.

— А сам не хочешь?

— Оставим на потом, у меня на этой неделе плотный график, нужно поберечь силы, — хотя он так говорил, руки уже нетерпеливо расстегивали молнию на брюках Шангуань И. Тот отвел взгляд, нахмурившись.

— Поцелуй, — Хань Цихэ потянулся к нему.

Шангуань И едва коснулся его губ и тут же отвернулся. Разве он мог не знать, что означает эта влажная теплота?

— Ты что, ящерица? Почему язык такой длинный?

— Я осьминог, обожаю прилипать к тебе, — Хань Цихэ слегка укусил его за губу, заставляя посмотреть на себя.

— М-м... — Шангуань И беспомощно наблюдал, как этот мужчина взбирается на него. Хань Цихэ занимался танцами, его тело было невероятно гибким, так что сопротивляться было бесполезно — все всегда заканчивалось так, как хотел он.

— Шангуань, дай мне хоть какую-то реакцию!

— Моя реакция зависит от тебя, — этот человек умел вызывать отклик даже одним движением кадыка. И, конечно, он преуспел.

— Тебе лучше поберечь силы, завтра концерт, семь дней подряд... Я... — впрочем, он решил промолчать.

— Не бей меня, как бильярдный шар! А-а-а... — процесс продолжался.

— Я же нежный!

— Врешь! — Шангуань И был на грани слез.

— Поцелуй, — Хань Цихэ указал на свои губы, и Шангуань И послушно подчинился.

Внезапно Хань Цихэ замер и рывкнул в сторону двери:

— Ань Цзыфан, совесть есть?

— Какая бы ни была, до твоей бесстыдности мне далеко.

Шангуань И натянул одеяло, укутываясь с головой. Его достоинство исчезло в тот самый момент, когда он стал пассивным партнером.

— Давай, я дам тебе оседлать себя! — Хань Цихэ растянулся на кровати, как вяленая рыба.

— Бесстыдник, — Шангуань И пнул его, сбрасывая с кровати — виновник всех бед должен страдать.

Поначалу насмешки Ань Цзыфан были невыносимы, но со временем он привык. Она была прямолинейной и не держала камня за пазухой, а Хань Цихэ всегда шел на уступки, чтобы он не чувствовал давления. Это заставляло его задуматься: быть с ним — правильное решение.

— Осторожнее, а то детей не будет.

Шангуань И закатил глаза на триста шестьдесят градусов.

— Не трать на меня силы, а то вдруг он встанет прямо во время танца?

— Тогда используй руки!

— Это же нездорово! — Хань Цихэ надулся и принялся снова расстегивать его одежду.

— Ты и правда бесстыжий...

— Если бы не ты, я бы даже не знал, как пишется это слово!

— Не приписывай мне свои заслуги, я за это не отвечаю. Ты как дохлая свинья, которой кипяток не страшен. Что подумают твои фанаты, если увидят, какой ты бесстыдник?

— Скоро узнаем, — Хань Цихэ притянул его к себе.

— Закончили? — Ань Цзыфан ехидно пододвинула к ним тарелку. — На, покорми своего малыша, пусть подкрепится.

— Не готовь мне эту гадость, ты, негодница, сама это ешь, — он не хотел даже обсуждать это. Каждый раз после того, как они были вместе, она приносила какую-то еду, утверждая, что это для восстановления сил. Глядя на ее сервировку, оставалось только вздыхать.

— Какие грубые слова! Если бы я была негодницей, то целыми днями ныла бы не я, а ты.

— Кхм... — Хань Цихэ с трудом сдержал смех. Слушать их перепалки было его любимым развлечением.

— Ты над кем смеешься?

— Я не смеюсь! Просто поперхнулся едой.

Шангуань И поспешно подал ему стакан воды:

— Разве можно так спешить, когда ешь такую гадость?

— Ничего не поделаешь, еда от бывшей пассии — если не съешь ты, придется мне!

— Шангуань, будь осторожен, я могу как превратить его в гея, так и сделать обратно натуралом.

На этот раз Шангуань И промолчал, но Хань Цихэ тут же парировал:

— Это невозможно. Я всегда верен: либо люблю, либо нет, третьего не дано. Метаться между двумя людьми — не в моем характере. К тому же у меня есть Шангуань, он стал частью моей жизни, — Хань Цихэ взял его за руку и поцеловал кончики пальцев.

Почему все это кажется таким странным? Хотя на душе было невыразимо хорошо. Атмосфера тут же сменилась: Ань Цзыфан легонько стукнула Хань Цихэ ложкой по голове.

— Не строй из себя великого влюбленного, тошнит уже.

— Слушаюсь, ваше величество. Но я и вправду так в него влюблен.

Ань Цзыфан закусила ложку, являя собой классический образ фанатки яоя.

<http://bllate.org/book/20778/2084724>